

К Всемирному дню защиты прав человека: Стальные струны нежной Леры |

Auteur: Архивы, [Архивы](#) , 09.12.2007.

Уроженка Казахстана Лира Байсеитова – профессиональный журналист, мать и бабушка – мягкая, гостеприимная женщина с трагической судьбой чуть больше пяти лет находится в Швейцарии в статусе политического беженца. Как становятся политическим беженцем и как с этим живут? Портрет.

К Лире Бейсеитовой меня привела фоторепортер Лоранс Деонна, одно время возглавлявшая швейцарскую секцию организации «Репортеры без границ» и много бывавшая в Средней Азии. Ее [книга](#) «Kazakhstan, bourlinguer en Asie centrale postsoviétique» недавно вышла вторым, дополненным, изданием. Но речь не об этом. По дороге Лоранс рассказывала о Лире, в чьей судьбе она принимает активное участие, вещи невероятные, в которые, честно говоря, верилось с трудом. Но пришлось поверить.

Дверь скромной, идеально убранной квартиры нам открыла милая, улыбающаяся женщина лет пятидесяти, сохранившая красоту, обаяние и элегантность. (Сразу вспомнились слова Лоранс о том, что раньше Лира была кокеткой, сама шила себе туалеты, очень следила за модой.) Сразу предложила чай, извинилась, что не может угостить чем-то более существенным. За стол с нами не села - из-за постоянной боли

в спине после неудачной операции ей легче стоять. И начался рассказ.

Ли́ра Бейсбеитова родилась в Караганде и всю жизнь, до 2002 года, прожила в Казахстане, где как активный журналист пользовалась уважением и авторитетом. В 2000 году она занимала пост главного редактора еженедельника «Республика 2000», считавшегося органом оппозиции и выходившего тиражом 35,000 экземпляров. С его страниц Ли́ра предъявила серьезные обвинения в адрес владельца крупного нефтеперерабатывающего завода. За свои слова пришлось заплатить дорогой ценой - 15 сентября 2000 года на нее напали «хулиганы» и зверски избили. Позже Лире потребуется несколько операций, но зрение в одном глазу восстановить так и не удастся. «Республику» благополучно закрыли.

«Они давно пытались заткнуть мне рот, - вспоминает Ли́ра. - Угрожали мне и дочери.» Но она не верила, что от слов «они» способны перейти к делу.

Весной 2002 года Ли́ра впервые приезжает в Женеву для участия во встрече выдающихся женщин, «Мамаш Кураж» из разных стран. (Через год одна из участниц, иранка Ширин Эбади, будет удостоена Нобелевской премии мира.)

К этому времени Ли́ра и ее «история» хорошо известны. В 2002 году ей присуждают две премии - в Торонто, от Канадской ассоциации журналистов, в номинации «Свобода прессы», и в Лондоне, от престижного журнала «Экономист».

В Женеве Ли́ра пытается найти подтверждение просочившейся в Казахстан информации о том, что президент страны и его окружение прячут миллионы долларов на нумерованных счетах в швейцарских банках. Всеми правдами и неправдами, а также благодаря связям Лоранс Деонна, Ли́ра добивается встречи с Бернаром Бертассой, в то время генеральным прокурором Женевы, который подтверждает эту информацию. Лишь гораздо позднее это дело получило широкую огласку и итоги судебного разбирательства попали на страницы швейцарских газет. Но все это для Ли́ры Байсеитовой уже «после».

Вернувшись из Женевы в Алма-Ату, она первой опубликовала взрывоопасную информацию в газете «СолДАТ». Очевидно, это было последней каплей в терпении тех, кого обличала Ли́ра.

Через несколько дней исчезла ее двадцатипятилетняя дочь Лейла, студентка юрфака, разведенная мать семилетнего Аланбека. Поиски и обзвон знакомых ни к чему не привели, а еще через пару дней казенный голос сообщил Лире по телефону, что ее дочь арестована за торговлю наркотиками и находится в тюрьме. В свидании с дочерью Лире Байсеитовой было отказано. «И больше я ее живой не видела...» плачет Ли́ра, сидя в своей женевской квартире пять лет спустя. «С тех пор я не живу, а существую - для внука.»

«Но как же Вы не побоялись снова выступить с такой статьей после того, как Вас зверски избили?», спрашиваю я.

«Так ведь до этого же не убивали, - отвечает она. - Журналистов таскали по судам, им угрожали, но не убивали же.»

Через три недели после ареста Лейлы другой казенный голос также сухо сообщил, что «заключенная покончила собой, повесившись на батарее при помощи джинсов». Через несколько месяцев в Алма-Ате побывал член французского отделения

«Репортеров без границ» Александр Леви. Ему показали камеру, в которой содержалась Лейла - батареи там не было.

Как говорить с матерью о смерти дочери?

«Мне не хотели отдавать тело, - вспоминает Лира. - Но все же накануне похорон на одну ночь отдали. Мне удалось договориться с фотографом, тогда я думала, что еще смогу что-то доказать...»

Она показывает мне страшные фотографии трупа Лейлы - все тело в синяках и подтеках, сустав руки вывихнут, разодраны до крови и зачем-то замазаны зеленкой пятки, на шее четкие следы удушения...

Как говорить с матерью о смерти дочери?

Пока провожала ночью фотографа, в комнату вошел неожиданно проснувшийся внук, увидел труп матери. Шок оказался слишком силен: Аланбек в Женеве уже пять лет, в специальном заведении для трудных детей, под постоянным наблюдением психолога, которому Лира бесконечно благодарна, но который, как она говорит, не питает больших надежд на выздоровления мальчика. «Малыш» Аланбек, или Алан, как его здесь называют, подросток: рост за 1 м 80 и нога 46,5 размера....

А дело по факту смерти Лейлы как открыли, так и закрыли - за отсутствием доказательств. Канадские коронеры, которых допустили в Алма-Ату только через шесть месяцев, то есть в последний возможный по медико-юридическим понятиям момент, подтвердили официальную версию. Как объяснили Лире друзья, близкие к власти, на карту была поставлена судьба крупной нефтяной канадской компании, работавшей в Казахстане. Ни Ассоциация канадских журналистов, ни «Экономист» не пригласили в 2003 году Лиру на свои церемонии, где, по традиции, она должна была бы вручать премию следующему лауреату.

«Я готова вернуть врученные мне премии тем, кто поверил в официальную версию смерти моей дочери», с горечью восклицает она.

Квартира, где я побывала, у Леры десятая за прошедшие пять лет. Она живет за счет Главного Хосписа, который оплачивает квартиру, страховку и выдает пособие - 960 франков в месяц. «Я получила 3000 франков от Красного Креста, за что, конечно, благодарна... Правда, одна моя ортопедическая кровать, необходимая после операции, стоила 3,600...»

Раньше им материально помогал отец Аланбека, но недавно он умер от разрыва тромба, не дожив до 35 лет.

За окном льет дождь, небо серое, обстановка квартиры в пастельных тонах, единственное яркое пятно - поднос с красиво выложенными на нем, как это принято в Азии, овощами: красным и желтым перцем, баклажаном, помидорами... Очень аппетитный натюрморт.

«Внука жду, пятница же сегодня», объясняет Лира, проследив за моим взглядом. Аланбек приезжает на все выходные. Раньше они много гуляли, даже играли в футбол, но теперь, из-за ухудшегося состояния здоровья Леры, приходится довольствоваться «прогулками» по Сети.

Жизнь, или существование, идет своим чередом. У Леры много знакомых, что не удивительно - она сразу располагает к себе. Лира резко отмечает миф о швейцарцах как о сухих, мало эмоциональных людях. «Это все ерунда! В этой стране для нас столько сделали, так помогли...»

Буквально на-днях бабушка и внук получили вид на жительство категории C. Вроде бы - радость, но Лира беспокоится, что лишится опеки Хосписа, а работать они при всем желании просто не в состоянии.

На вопрос, чего ждет она от завтрашнего дня, Лира, подумав, ответила: «У меня нет завтрашнего дня. Мне бы вот только внука на ноги поставить...»

А вот вопрос о том, жалеет ли Лира о написанных ею статьях, я просто не решилась ей задать.

[Женева](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/k-vsemirnomu-dnyu-zashchity-prav-cheloveka-stalnye-struny-nezhnoy-liry>